ИНТЕРВЬЮ С РЕКТОРОМ МФТИ, ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ АН СССР, НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ СССР Н. В. КАРЛОВЫМ

— Николай Васильевич, в прошлом году по Вашей инициативе на физтехе была создана кафедра истории культуры. Большую долю ее программы составляли историко-философские курсы. Видимо, это не случайно?

— Я считаю такого рода курсы необходимыми для будущих инженеров. Накопленные гуманитарным теоретическим мышлением богатства должны стать предметом если не освоения, то хотя бы знакомства. Студент, конечно, должен иметь право выбора курса, формы занятий могут быть разнообразными, но так или иначе встреча его с миром гуманитарных знаний должна состояться. И вряд ли можно найти более естественный путь для этого, чем изучение истории культуры. Дело не только в том, чтобы дать дополнительную информацию о духовной жизни человечества: студент должен понять, что такое гуманитарный способ мышления.

— Вы думаете, что он принципиально отличается от естественнонаучного?

— Естественник и гуманитарий мыслят по-разному. Точные науки моделируют реальность, выявляют ее рационально постижимую структуру. Гуманитарные — имеют дело с иррациональным опытом человечества, который также может стать самостоятельным типом знания, опирающегося на чувство, интуитивный образ, ценность. Именно этого, древнейшего способа познания нам сейчас так недостает. На его мировосприятии основаны многие драгоценные свойства человека: доброта, честь, религиозное чувство, вкус к красоте...

— Можно ли этому научить?

— Не так уж трудно научить тому, что является собственно научной стороной гуманитарного знания, легко дать необходимые сведения, но интуитивно-образная сторона вряд ли может быть передана с такой же простотой. Так же как нотная грамота и история музыки не дают знания о том, что такое музыка сама по себе, так и гуманитарная информация не есть еще духовность. Это хорошо знали древние, полагавшие, что истина — это не знание, а определенный способ бытия.

— Не противоречит ли это Вашему замыслу гуманитаризации естественнонаучного образования?

— Напротив. Именно общение гуманитария-учителя и естественника-ученика может помочь перебросить хотя бы тоненький мостик с левого полушария головного мозга на правое, познать законы мышления о «ценностях», а не о «природе». Никакие учебники и книги не заменят непосредственного контакта двух типов сознания. Впрочем, система подготовки научно-технического специалиста у нас такова, что просто не дает времени самостоятельно и методично заниматься своим общекультурным развитием. К тому же слишком велик соблазн студента, который уже успел достичь многого в своей профессиональной сфере, перенести свои знания физики на социум, а это при гуманитарной безграмотности далеко не безобидный метод. . .

— Вы имеете в виду этический аспект гуманитаризации?

— Я бы это выразил так: гуманизация специалиста через гуманитаризацию его образования. Разъединение науки и морали всегда было трагедией, но в наши времена это может стать катастрофой и для науки, и для человечества. Возвращение к истокам, к цельности образно-интуитивного отношения к миру, к тесно связанной с этим отношением нравственной воле может восстановить равновесие мира внутреннего и мира внешнего, нарушенное колоссальным ростом технических и интеллектуальных возможностей человечества.

— В этом смысле, пожалуй, гуманизация нужна и нашему гуманитарному образованию.

— Почему бы и нет? Но, раз уж мы решили быть последовательными, заметим, что без овладения азами естественнонаучного мышления, без представления о том, что произошло с наукой о природе в XX в., вряд ли можно быть полноценным гуманитарием. Оторванность гуманитариев от идейной жизни современного естествознания — а у сегодняшней высшей школы есть и такой недуг — так же обедняет сознание нашей интеллигенции, как и те недостатки технического образования, о которых у нас шла речь. Гуманитарным наукам нужна точность и строгость (да и не звучит разве в этих эпитетах какой-то моральный мотив, уловленный, может быть, в свое время Декартом). С другой стороны, в основах точной науки лежит нечто неточное, какая-то интуиция, заставляющая делать выбор аксиом или предпочесть при прочих равных «красивое» решение. Точное и неточное, мудро связанные природой в душе человека одним узлом, нуждаются друг в друге. Надеюсь, что «гуманизация через гуманитаризацию» — это не утопия.

— Что дали Вам как ученому гуманитарные науки?

— В студенческие годы я увлекался Герценом: не столько даже его статьями, сколько «Былым и думами». Своеобразный склад его мышления, соединение естественнонаучной трезвости и романтической восторженности, сама манера изложения, герценовский сарказм — все это было хорошей школой мысли и стиля. Кстати, дипломная работа Герцена посвящена космогонии Коперника,

которая связана с решением задач, косвенно приведших Пуанкаре и Ляпунова к общей теории устойчивости динамических процессов, связанной, в свою очередь, со становлением современной «физики развития». Может быть, это говорит что-то об интуиции Герцена. Во всяком случае, естественнонаучное образование дало ему ни с чем не сравнимую ясность мышления и способность работать в четко определенных дефинициях. Позже на моем столе появились книги историков: Карамзина, Тураева, Крачковского, переписка Иоанна и Курбского. Любовь к истории не прошла, и сейчас вот у меня под рукой трехтомник Лихачева. Может быть, это наследственное. Я родом из крестьян Северной Руси, там всегда был высок уровень образованности, они много читали, интересовались своей историей.

Интерес к философии пришел несколько позже. Произвели впечатление «Никомахова этика», дискуссия Цицерона со стоиками, близким по духу оказался Лукреций Кар, с увлечением читал Монтеня. Естественно, Спиноза с его слиянием этики и геометрического метода. В последние годы — переводы Хайдеггера. Постоянно читаю «Вопросы философии», которые с недавних пор стали чрезвычайно интересным журналом.

— Какой импульс прежде всего стоял за Вашим интересом к философии? Поиски пищи для ума? Поиски нравственной опоры?

— Естественно, и то и другое. Но ведь научиться нравственности нельзя. Плохи дела того общества, которое нуждается в философии для укрепления морали. Основы морали заложены в семье, в корпорации, в системе социальных табу. Бюргерская мораль, рыцарская мораль... — они порождены воспитанием и инстинктом подражания, а не книгами. Конечно, есть такие вещи, как необходимость глубинно личного выбора, ломка нравственного сознания в кризисные периоды. Но духовность без социальной плоти — бессильна. В этом одна из современных драм: тоталитарный режим жестко сжимает моральные устои — как некую пружину — в одну сторону. При этом изнашивается само понятие духовности, нравственности. «Нравственно все, что служит пользе» — такова мораль Ришелье, Нечаева, Гитлера... Мораль еще сохраняет свою природу, пружина еще «отстреливает», пока ее держат стенки канала, т. е. внешних обстоятельств. Но вот появилась свобода от внешнего, узкие стенки канала рассыпались — и пружина не работает, она поломана режимом и действует лишь в условиях внешнего давления жестких стенок. Что-то подобное происходит сейчас в нашем обществе...

— Значит, философия бессильна?

— Да нет же! И философия (поскольку она постигает суть этой ситуации) и история философии (поскольку не мы первыми переживаем подобную ситуацию) способны реально помочь. Вряд ли они сыграют роль указателя пути, но они могут стать источником света, без которого и указатель не найдешь. Собственно, мы в МФТИ хотели, чтобы наши студенты причастились духовному опыту человечества не ради многознания, а ради этой ясности гуманистической интуиции.